

УДК 811.111–112

doi 10.17072/2073-6681-2020-1-24-33

ДЕНДИ В ЛИТЕРАТУРЕ: ОПЫТ АНАЛИЗА ЯЗЫКА ЛИТЕРАТУРЫ О ДЕНДИ

Екатерина Борисовна Коломейцева**к. филол. н., доцент кафедры русского языка № 1****Первый Санкт-Петербургский государственный****медицинский университет им. академика И. П. Павлова**197022, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Льва Толстого, 6–8. tillyriddle@yandex.ru

SPIN-код: 7591-1171

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0224-2965>

Статья поступила в редакцию 27.03.2019

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:*Коломейцева Е. Б.* Денди в литературе: опыт анализа языка литературы о денди // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, вып. 1. С. 24–33. doi 10.17072/2073-6681-2020-1-24-33**Please cite this article in English as:**Kolomeytseva E. B. Dendi v literature: opyt analiza yazyka literatury o dendi [The Dandy in Literature: Analyzing the Language of the Literature of Dandyism]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2020, vol. 12, issue 1, pp. 24–33. doi 10.17072/2073-6681-2020-1-24-33 (In Russ.)

Предпринимается попытка рассмотрения дендистской литературы как отдельного направления художественной литературы. Исходя из того, что денди выделяются как особая социальная субкультура, связанная не только с модой, автор делает предположение о наличии в литературе о денди и написанной денди специфических особенностей речи. Оно выдвинуто на основе исследований Д. Шеффера, который подчеркивал, что денди активно изучали античную риторику и пользовались методами софистики. Сначала нами были выделены и сгруппированы присущие этой литературе особенности на разных языковых уровнях. Кроме того, дендистское транслирование «искусственной женственности» (термин Пенсона) определило необходимость акцентировать также особенности построения гендера лингвистическими средствами. Цель статьи – доказать, что дендистская литература имеет основания рассматриваться как особое направление. Учитывая ее ключевые особенности, исследователь счел целесообразным сосредоточить внимание отдельно на языке автора и языке героя произведения. Для лингвистического анализа берутся три произведения, написанные на разных языках: «Крылья» М. Кузмина, “The Portrait of Dorian Gray” О. Уайльда, “À Rebours” Ж. К. Гюйсманса. Они представляются наиболее репрезентативными для обозначенной цели статьи, так как написаны авторами-денди о героях-денди. В результате выясняется, что речевой портрет героя-денди мужского пола не всегда соответствует гендерным особенностям конструирования его речи, поскольку феминность и андрогинность преобладают над маскулинностью. Выделяется широкий спектр используемых лексических средств, что определяется как одна из специфических черт языка дендистской литературы. Язык авторов произведений, по результатам анализа, немногим отличается от языка героев-денди, но в диалогах последних чаще замечено проявление «дендистского перформатива».

Ключевые слова: художественная литература; лингвистический анализ; дендизм; гендерная лингвистика; нарратор; речевой портрет.

Дендизм зачастую ошибочно воспринимается общественным сознанием как некий экстремальный выверт моды, тогда как его следует воспринимать как особый путь проявления художественного сознания. Это не только и не столько

мода сама по себе, сколько личный стиль, образ выбравшего его лица, «спиритуализация тела, материализация духа», спрещатура и кэмп [Шиффер 2011: 28; Болон 2013: 204]. Помимо моды и самоподачи, денди зачастую склонны

проявлять себя и в литературе, а иногда и в философии. Таким образом, неправомерно сводить дендизм к одному аспекту, что отмечают, например, Е. Моонг в своей статье об истоках дендизма или Д. Керр в диссертации о дендизме [Moong; Kerr 2015: 12]. Последняя замечает, что денди не может быть сведен к «двумерной бумажной кукле-щеголоу» [Kerr 2015: 14].

Приведем цитату исследователя дендизма О. Вайнштейн: «Филологические методы оказываются особенно полезными, если вдобавок вспомнить о литературной родословной дендизма» [Вайнштейн 2000]. Известно, что многие писатели были денди в жизни: Байрон, Бульвер-Литтон и Оскар Уайльд в Англии; Пушкин и Лермонтов в России; Стендаль, Бальзак, Барбе д'Оревилю, Шарль Бодлер, Гюисманс, Марсель Пруст во Франции. Они изображали героев-денди в своих романах (классика жанра – роман «Наоборот» Гюисманса и роман «Портрет Дориана Грея» Оскара Уайльда); сочиняли теоретические трактаты о дендизме (особенно отличились на этом поприще Бальзак, Барбе д'Оревилю и Бодлер) и, наконец, сами любили блеснуть импозантными туалетами. И оттого желающим разобраться в дендизме практически невозможно обойтись без литературных материалов. Таким образом, резонно предположить, что и в литературных трудах дендизм как общественное явление должен выразить себя тем или иным способом.

На основе трудов таких исследователей денди и дендизма, как Д. Шиффер, О. Вайнштейн, А. Скуратовская, Ж-К. Пенсон, П. Болон, трудов по истории моды Р. Барта, а также исследований Ю. Лотмана и других, удастся выявить несколько возможных критериев рассмотрения литературы, написанной денди о денди. Следует заметить, что денди являются наследниками античности в их максималистском следовании принципам калокагатии [Скуратовская 2001: 81; Барт 2003: 201]. Денди стремились к максимальному контролю над телом и духом, а потому не чурались и принципов античной риторики. Как указывает Д. Шиффер в своем исследовании, денди XVIII в. придерживались риторических принципов софистики, что позволяло «подчинить себе язык» [Шиффер 2011: 103–105]. Среди средств языка, популярных у денди, заимствованных из античной риторики, указаны «парадокс, афоризм, эпиграмма, максимы, формулы, эллипсисы, литоты, метафоры, эвфемизмы, оксюмороны, противоречия, переворачивание мнения, инверсия перспективы, чувство абсурда, использование провокации, искусство беседы, импровизация, юмор, осмеяние, цинизм, сарказм, ирония, иногда наглость» [Шиффер 2011: 198–199]. Тем

не менее, если взять перечисленные пункты за отправную точку исследований, то описание речи денди в некоторых аспектах мало чем будет отличаться от продуманной и выстроенной речи опытного ратора. Кроме того, данные характеристики применимы и к речи героев произведений, в таком случае можно ли оценить особенности нарратива автора-денди? Ю. Лотман отмечал «позу разочарованности и пресыщенности» [Лотман 1970: 200], которая также может проявлять себя, а еще можно говорить об излишней экзальтации или же, наоборот, полной холодности дендистской речи.

На основе анализа соответствующей литературы автор данной статьи выделил некоторые особенности построения речи, которые могли бы характеризовать литературу, написанную авторами дендистского круга. Эти особенности, в свою очередь, можно подразделить на те, что применимы как к прямой речи героя-денди, так и к авторскому нарративу в тексте. Характеристики нарратива и прямой речи героя могут перекрываться (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

**Особенности построения речи
в дендистской литературе
Peculiarities of Speech Construction
in the Literature of Dandyism**

Нарратив автора-денди	Прямая речь героя-денди
Использование иронии, острот, парадоксов, афоризмов, эпиграмм, максим, эллипсисов, литот, метафор, эвфемизмов, оксюморонов, катахрез	Использование иронии, острот, парадоксов, афоризмов, эпиграмм, максим, эллипсисов, литот, метафор, эвфемизмов, оксюморонов, катахрез
Наличие стихломифий	Лаконизм
Излишняя экзальтация или, наоборот, полное отсутствие эмоционального компонента в речи. При экзальтации: множественные междометия, эмотивы	Излишняя экзальтация или, наоборот, полное отсутствие эмоционального компонента в речи. При экзальтации: множественные междометия, эмотивы
–	Использование вкрапленный или цитат
Использование сложных оттенков цвета в описаниях одежды, интерьера, произведений искусства, сравнений	Использование сравнений в описании

Кроме перечисленных в таблице особенностей, можно обратиться и к другим. Представляется, что при анализе дендистской литературы необходим и лингвистический анализ проявления гендера. Денди не чурались женственности в

поведении, этот аспект может оказывать влияние на речевые особенности репрезентации образа. Денди являются репрезентаторами «искусственной женственности» [Penson 1995: 206].

Под «гендером» мы будем понимать далее «отражение социокультурного аспекта половой принадлежности человека» [Янчук 2003: 227]. Согласно исследованиям С. Бем, Ф. Воежели и Г. А. Пушкарь, гендер может проявляться в следующем виде: маскулинный гендер, феминный, андрогинный и аннигилированный [Бем 2004: 98–100; Пушкарь 2007: 45; Voegeli 2005: 5–10]. По мнению И. Г. Серовой, «маскулинность», мужское начало, должна проявляться через следующие характеристики: агрессивность, брутальность, мощь, крепость, грубость, сила, демонстрация волевого компонента, уверенность, независимость, сексуальная мощь, решительность, надменность, настойчивость [Серова 2011: 142]. Не все из перечисленных характеристик свойственны денди. Исходя из культурологических описаний дендизма, можно сделать вывод, что в дендистской литературе должен преобладать либо андрогинный, либо феминный гендерный тип, тогда как маскулинность или нарочитое стирание любых намеков на гендер находятся за рамками дендизма. Это культурологическое заключение необходимо подкрепить лингвистически. Отдельные исследователи выделяют два уровня репрезентации гендерных особенностей в лингвистике: системно-языковой уровень и реализацию гендера в речевом поведении [Богачева 2008: 44; Витлицкая 2005: 102–106]. В первом случае это выбор слов женского / мужского рода, использование залога и т. п., а во втором – конкретный набор гендерных особенностей для женского и мужского типов поведения. Для мужской речи в целом характерен выбор коммуникативных стратегий, нацеленных на успех в целях коммуникации, использование профессионализмов, терминологической лексики, динамичность, меньшая эмоциональность. Для женской речи – большая «предметность», т. е. описание чего-то, что в данный момент происходит, пассивность, эмоциональность, использование инвектив, ирония и самоирония, обилие диалогов, цитат, аллюзий [Воробьева 2015: 161–163; Кирилина, Томская 2005; Прима 2009: 37] (см. табл. 2).

Далее было выбрано несколько текстов авторов-денди и они были проанализированы по заданным критериям. Для этой цели вполне репрезентативными, на наш взгляд, являются следующие произведения: «Портрет Дориана Грея» О. Уайльда, «Наоборот» Ж. Гюйсманса и «Крылья» М. Кузмина.

Таблица 2 / Table 2

**Гендерные особенности речи
Gender Peculiarities of Speech**

Гендерные особенности речи, свойственные женщинам	Гендерные особенности речи, свойственные мужчинам
Пассивные формы глагола, оценочные прилагательные, усилительные наречия или формы «наречие + наречие», гиперболизированная вежливость, гиперкорректная грамматика, консервативность в выборе форм, обилие сложных предложений. Использование гипербол, литот, метафор и т. п., парцелляции, аллюзий, цитат. Обилие диалогов. Использование компонентов с «положительной» коннотацией	Активные формы глагола, меньшая эмоциональность (как следствие, меньше оценочных прилагательных или прилагательных в сравнительной и превосходной степени, усилительных наречий), простые предложения. Монологическая речь с преобладанием абстрактных существительных. Использование терминов, профессионализмов, компонентов с «отрицательной» коннотацией, отрицательных структур

О. Уайльд традиционно считается ярким представителем культуры дендизма, именно поэтому его роман и включен в подборку. Роман «Портрет Дориана Грея» представляется вполне обоснованным выбором, так же, как и французский роман «Наоборот», автор которого был привержен дендизму как к эстетике самовыражения, к философской традиции. В русской литературе труднее найти столь же яркое и репрезентативно очевидное произведение: для А. С. Пушкина дендизм был игрой, очарованием Запада; А. Блок или имажинисты увлекались им не так долго, чтобы оставить программные дендистские произведения.

Таким образом, для целей анализа художественных особенностей выбран денди серебряного века Михаил Кузмин, заслуживший репутацию «короля эстетов». Для анализа предпочтительным оказалось его прозаическое произведение «Крылья», поскольку там имеется и нарратив автора, и прямая речь героя. Главные герои также являются денди. С позиций гендерной дифференциации отметим некоторую женственность и пассивность главного персонажа – Вани. Та же пассивность ощущается и в авторском нарративе. Уже в первом предложении читатель сталкивается с выраженными феминными особенностями повествования: *«В несколько опустевшем под утро вагоне становилось все светлее; через затопевшие окна можно было видеть почти ядовито-яркую, несмотря на конец августа, зелень травы, размокшие дороги, тележки молочниц перед закрытым шламбаумом, будки сторожей,*

гуляющих дачниц под цветными зонтиками» (Кузьмин 1906). Приведено распространенное предложение с безличной глагольной конструкцией и с преобладанием эпитетов-прилагательных, которое исследователями (С. Ю. Воробьевой, А. Кирилиной, А. М. Прима и др.) оценивается как феминная особенность. Возьмем также целый абзац с описанием героя, чтобы это проиллюстрировать: «*Рассматривая в небольшое зеркало на стене свое отражение, он безучастно смотрел на несколько незначительное круглое лицо с румянцем, большие серые глаза, красивый, но еще детски припухлый рот и светлые волосы, которые, не остриженные коротко, слегка кудрявились. Ему ни нравился, ни не нравился этот высокий и тонкий мальчик в черной блузе с тонкими бровями. За окном виднелся двор с мокрыми плитами, окна противоположного флигеля, разносчики со спичками. Был праздник, и все еще спали. Вставши рано по привычке, Ваня сел к окну дожидаться чая, слушая звон ближайшей церкви и шорох прислуги, убравшей соседнюю комнату. Он вспомнил праздничные утра там, “дома”, в старом уездном городке, их чистые комнатки с кисейными занавесками и лампадами, обедню, пирог за обедом, все простое, светлое и милое, и ему стало скучно от дождливой погоды, шарманок на дворах, газет за утренним чаем, сумбурной и неуютной жизни, темных комнат» (там же).*

С одной стороны, феминность подчеркнута множественными оценочными прилагательными и наречиями-«интенсификаторами» (*слегка кудрявились, несколько незначительное*), явной эмоциональностью отрывка и параллельными конструкциями, перечислением. С другой стороны, здесь присутствует двойное отрицание «*ни..., ни...*», повтор прилагательного «*тонкий*» в одном предложении, как будто автору не хватило лексических средств для описания, что характерно для маскулинности, как она понимается, например, у Ф. Воегели [Voegeli 2005: 5–10], когда мужчины выбирают более лаконичные средства описания. Такие литературные описания психологического состояния, конечно, характерны и для недендистских авторов, однако в дендистской литературе они могут превалировать, заменять собой внешние события повествования. (Отметим, что можно рассматривать особенности любой авторской манеры описания как маскулинные / феминные, это не прерогатива одной лишь дендистской литературы.) Во всем произведении при анализе ощущается двойственность позиции героя и автора-рассказчика: феминно-маскулинной.

Таким образом, с точки зрения проявлений гендерных особенностей текст скорее андрогин-

ный, так как присутствуют и мужские, и женские компоненты («женская сторона»: оценочные прилагательные, наречия, эмоциональность, большое количество сложных предложений, пассивный залог, использование цитат, обилие диалогов, «статуарность», нежели динамизм; «мужская сторона»: четкое выражение позиции героя (а именно: Лариона Штруппа), наличие разбросанных по тексту отрицательных структур или компонентов с отрицательной коннотацией, вульгаризмов, например, «*Да пусть же меня, противная баба!*» (Кузьмин 1906), однако в применении к главному герою феминность выражает себя наиболее полно.

Рассмотрим также, как проявляют себя дендистские мотивы и негендерные особенности в ткани текста. У нарратора присутствует большое количество сложных описаний предметов или обстановки, как то: «*...вводя Ваню в большую квадратную голубоватую комнату с белыми занавесками и пологом у кровати посередине; голубоватые стены с гравюрами святых и мадонны «добраго совета», простой стол, полка с книгами наставительного содержания, на комод под стеклянным колпаком восковая крашеная, одетая в шитый из материи костюм enfant de choeii кукла св. Луиджи Гонзага, кропильница со святой водой у двери – придавали комнате характер кельи, и только пианино у балконной двери и туалетный стол у окна мешали полноте сходства» (Кузьмин 1906).* Здесь есть и иноязычные вкрапления. При анализе дендистской литературы у всех авторов были замечены цитаты или вкрапления из латинского или французского языка (у Гюйсманса – из латыни), а также развернутые описания-сравнения. Безусловно, многие авторы используют иноязычные вкрапления, но в дендистской речи важна функция, которую они выполняют в тексте. Если, к примеру, у Л. Н. Толстого им отводится информативно-детализирующая функция, в той или иной степени они метафоризируют повествование (оторванность русского дворянства от их исконной культуры, показанная через язык и манеры), то у М. Кузьмина, Ш. Гюйсманса и О. Уайльда вкрапления выполняют бóльший набор функций. Это и аттрактивно-экспрессивная, и эмотивная, и отграничительная, и детализирующая (в том числе и декорирующая) функции, иногда интертекстуальная, функция речевой индивидуализации (в частности, граф Дез Эссент, герой романа Гюйсманса, активно использует в речи цитаты из латинских молитв и французские фразы) [Коломейцева 2016: 120–159].

Повышенная эмоциональность нарратива достигается путем употребления наречий степени, качества, прилагательных с оценочной семанти-

кой (к примеру, «...вспухший осклизлый труп с бесформенным уже лицом, голый, в одних сапогах, отвратительный и страшный...», «...две дамы в черных, но кричащих платьях...» (Кузьмин 1906), использованием ментальных предикативов («он вообразил, ему казалось, он думал» (там же) и т. п.), метафор, конструкций, начинающихся с «как...» («Как он любил эту зеленоватую просторную комнату, оглашаемую звуками Рамо и Дебюсси, и этих друзей Штрупа...» (там же). Заметим, что повышенная эмоциональность – также феминная особенность речи. Интересны приемы рассказчика и при смене повествовательных тем.

В речи героев отмечаются цитаты («И люди увидели, что всякая Красота, всякая любовь – от богов, и стали свободны и смелы, и у них выросли крылья»), афористичные высказывания («Если делать то, что доставляет удовольствие, значит, быть добрым, то я – такой», «Мы – эллины, любовники прекрасного, вакханты грядущей жизни», «Аскетизм – это, в сущности, наиболее противоестественное явление, и целомудрие некоторых животных – чистейший вымысел» (Кузьмин 1906) – нарочитая провокация). В речи героев-денди есть множественные описания с параллельными конструкциями и сравнением описываемых предметов с чем-либо из мировой классики искусства: «Всегда, когда я слышу эту первую во второй редакции, в редакции уже Тристановского Вагнера, сцену, я чувствую небывалый восторг, пророческий трепет, как при картинах Клингера и поэзии д'Аннунцио. Эти танцы фавнов и нимф, эти на вдруг открывающихся, сияющих, лучезарных, небывалых, но до боли глубоко знакомых античных пейзажах, явления Леды и Европы; эти амур, стреляющие с деревьев, как на "Весне" Боттичелли, в танцующих и замирающих от их стрел томительных позах фавнов, – и все это перед Венерой, стерегущей с нездешней любовью и нежностью спящего Тангейзера, – все это как веянье новой весны, новой, кипящей из темнейших глубин страсти к жизни и к солнцу!» (там же). Присутствует и восклицательное предложение, и насыщенное эмоциями субъективно-оценочное, а также перечисление со словом *это*. В речи Лариона Штрупа замечается сарказм: «У нее, как у девушки в сказке, при каждом слове выскакивает изо рта мышь или жаба. Положительно!..» (там же), нарочито эпатирующие собеседника высказывания: «Раз голая сущность – одна и та же, не все ли равно, как к ней прийти, – ростом ли мировой любви, животным ли порывом?» (там же).

В романе Оскара Уайльда представлены также различные гендерные структуры. С одной

стороны, это наличие оценочных прилагательных-«интенсификаторов», наречий, сложные синтаксические структуры и гиперкорректность в их выборе, многочисленные обращения к сравнениям и описаниям обстановки, пассивность, нежели динамизм, частая неопределенность (“*The birds that were singing in the dew-drenched garden seemed to be telling the flowers about her*”, “*...appeared almost to dislike hearing music*” (Wilde). Тем не менее встречаются перформативные высказывания героев-денди, активные формы глаголов, компоненты с отрицательными коннотациями (в частности, при описании изменений портрета героя или в этом отрывке: “*A crooked smile, like a Malay crease, writhed across the face of one of the women. She tossed her head and raked the coins off the counter with greedy fingers*” (ibid.), двойные отрицания “*neither... nor*” и т. д. Таким образом, снова дендистский текст в гендерном аспекте относится к андрогинному типу.

Остановимся чуть подробнее на текстовых особенностях проявления дендизма. Развернутые описания (в тексте есть много примеров, ограничимся одним): “*The studio was filled with the rich odour of roses, and when the light summer wind stirred amidst the trees of the garden, there came through the open door the heavy scent of the lilac, or the more delicate perfume of the pink-flowering thorn*” (ibid.). В данном случае развернутые описания присутствуют и в нарративе, и в речи героев. Некоторые герои выражаются более сдержанно и лаконично, но Лорд Генри чаще всего афористично: “*Vice and virtue are to the artist materials for an art*”, “*...there is only one thing in the world worse than being talked about, and that is not being talked about*”, “*Being natural is simply a pose, and the most irritating pose I know*”, “*I like persons better than principles, and I like persons with no principles better than anything else in the world*” (ibid.) и т. д. В тексте присутствует и ирония, рассмотрим пример: “*A portrait like this would set you far above all the young men in England, and make the old men quite jealous, if old men are ever capable of any emotion*”, “*My dear fellow, she tried to found a salon, and only succeeded in opening a restaurant. How could I admire her?*” (ibid.). Лорд Генри старается не относиться серьезно ни к чему, прикрываясь дендистской позой, иронией или стремление шокировать собеседника помогают ему в этом. Подчеркнутая эмоциональность видна во втором примере ввиду использования риторического вопроса в ситуации, где можно обойтись без эмоций.

Авторский нарратив не чужд оксюморонам, например: “*He felt a terrible joy at the thought that some one else was to share his secret, and that the*

man who had painted the portrait that was the origin of all his shame was to be burdened for the rest of his life with the hideous memory of what he had done” (Wilde), сочетание *terrible joy*. Это предложение интересно проанализировать и по его структуре, оно синтаксически гиперкорректно: гиперкорректно в выборе глагольных времен, избытует союзами, кроме того, в нем дважды задействована форма *was to + V*, не слишком характерная для обычной речи. Как уже отмечалось, и у рассказчика, и у героев в речи присутствуют цитаты и вкрапления (в частности, “*Four husbands! Upon my word that is trop de zele*”. “*Trop d’audace, I tell her*”, said Dorian” (ibid.). В некоторых острых повествовательных моментах автор обращается к стихломифии для придания динамики повествованию:

“*Still, we have done great things*”.

“*Great things have been thrust on us, Gladys*”.

“*We have carried their burden*”.

“*Only as far as the Stock Exchange*”.

....

“*It is a malady*”.

“*Love?*”

“*An illusion*”.

“*Religion?*”

“*The fashionable substitute for belief*”.

“*You are a sceptic*”.

“*Never! Scepticism is the beginning of faith*” (ibid.).

В нарративе имеются эмотивы, такие как междометия, восклицательные структуры и риторические вопросы: “*As the thought crept through his brain, he grew pale with terror, and the air seemed to him to have become suddenly colder. Oh! in what a wild hour of madness he had killed his friend!*” (ibid.), что, кроме всего прочего, относится к проявлениям феминности в речи.

Итак, в тексте О. Уайльда при анализе обнаруживаются все выделенные выше особенности дендистского текста. По замечанию Е. Гениевой, «...живое начало исчезало, его убивали манерность и претенциозность» [Гениева 1994: 375], отсюда характерный для романа «переизбыток описания дорогих тканей, редкостных безделушек, экзотических цветов». Тем не менее при написании «Портрета Дориана Грея» О. Уайльд брал за образец еще более эстетский роман Ш. Гюйсманса «Наоборот» («*À rebours*»), который более чем наполовину состоит не из динамического повествования и смены сюжетных поворотов, а из подобных описаний интерьеров, картин, музыки, пищи и т. д. Обратимся к этому роману.

Сразу же приведем в пример хотя бы одно из описаний книги (иногда такие описания занимают по несколько страниц): “*Jadis, alors qu’il*

recevait chez lui des femmes, il avait composé un boudoir où, au milieu des petits meubles sculptés dans le pôle camphrier du Japon, sous une espèce de tente en satin rose des Indes, les chairs se coloraient doucement aux lumières apprêtées que blutait l’étoffe” (Huysmans). Автору не чужда страсть к параллелизму и перечислению, перегруженности эпитетами: “*D’autres fois encore, quand le spleen le pressait, quand par les temps pluvieux d’automne, l’aversion de la rue, du chez soi, du ciel en boue jaune, des nuages en macadam, l’assaillait, il se réfugiait dans ce réduit, agitait légèrement la cage et la regardait se répercuter à l’infini dans le jeu des glaces, jusqu’à ce que ses yeux grisés s’aperçussent que la cage ne bougeait point, mais que tout le boudoir vacillait et tournait, emplissant la maison d’une valse rose*” (ibid.) – предложение исключительно длинное, повторяется союз *quand*, притяжательные структуры с *de*. Как представляется автору статьи, дендистский текст всегда характеризуется «перегруженностью», использованием максимально возможного количества приемов и средств, что может проявляться на разных языковых уровнях.

В гендерном аспекте в данном тексте, по сравнению с другими, почти не встречаются проявления маскулинности; феминность обнаруживает себя через множество особенностей: излишняя правильность речи автора и героя, наличие повышенной экспрессии, перегруженность предложений эпитетами и их распространенность [Воробьева 2015: 159–170]. Маскулинный аспект присутствует только в профессиональном описании предметов церковного обихода (профессиональная лексика церковнослужителей), тогда как обращение к религиозному дискурсу исследователями традиционно рассматривается в рамках феминности. В романе практически отсутствуют прямая речь и диалоги, он представляет собой в основном «закадровый монолог» рассказчика, а монологическая речь, по А. Кириллиной, М. Томской, – это, в свою очередь, маскулинная особенность текста [Кирилина]. Таким образом, здесь, как и в других проанализированных текстах, представлен смешанный андрогинный тип.

Что касается проявлений дендизма через призму языка, здесь также не обошлось без цитат: “*Any where out of the world. – N’importe où, hors du monde*” (Huysmans), вкраплений из латыни в названиях книг, например: “*Psychomachia*”, “*Carmen apologeticum*”, “*Vexilla regis*”, “*De viribus herbarum*” (ibid.). Сквозь множественность деталей и сложность синтаксических структур проглядывает и авторская ирония, вкрапления выполняют функцию создания комического эффекта. Представим несколько фрагментов:

“Enfin, il avait fait préparer une haute salle, destinée à la réception de ses fournisseurs; ils entraient, s’asseyaient les uns à côté des autres, dans des stalles d’église, et alors il montait dans une chaire magistrale et prêchait le sermon sur le dandysme, adjurant ses bottiers et ses tailleurs de se conformer, de la façon la plus absolue, à ses brefs en matière de coupe, les menaçant d’une excommunication pécuniaire s’ils ne suivaient pas, à la lettre, les instructions contenues dans ses monitoires et ses bulles” (ibid.). Такое сравнение церковной этики и наиболее светского аспекта жизни – моды – действует как элемент дендистского эпатажа, который потом доводится до предела описанием устройства ночного горшка из церковной скамьи или примером украшения панциря черепахи драгоценностями. То же в следующей сцене, продолжающей «церковные» сравнения: “...en donnant aux hommes de lettres des dîners retentissants, un entre autres renouvelé du XVIIIe siècle, où, pour célébrer la plus futile des mésaventures il avait organisé un repas de deuil” (Huysmans).

Встречаются в романе и афористичные высказывания: “L’artifice paraissait à des Esseintes la marque distinctive du génie de l’homme”, “...le monde est, en majeure partie, composé de sacripants et d’imbéciles”, перевернутый библейский афоризм “Fais aux autres ce que tu ne veux pas qu’ils te fassent” (ibid.) и др. В редкой для книги прямой речи Дез Эссента встречается и эмотив (междометие), стремление к провокации, эпатажу: “Tu n’y es pas; oh! mais pas du tout, fit-il; la vérité c’est que je tâche simplement de préparer un assassin” (ibid.). В стремлении к искусственности герой доходит до абсурда, что можно проиллюстрировать сравнением женщины и локомотива: “Et puis, à bien discerner celle de ses œuvres considérée comme la plus exquise, celle de ses créations dont la beauté est, de l’avis de tous, la plus originale et la plus parfaite: la femme; est-ce que l’homme n’a pas, de son côté, fabriqué, à lui tout seul, un être animé et factice qui la vaut amplement, au point de vue de la beauté plastique? est-ce qu’il existe, ici-bas, un être conçu dans les joies d’une fornication et sorti des douleurs d’une matrice dont le modèle, dont le type soit plus éblouissant, plus splendide que celui de ces deux locomotives adoptées sur la ligne du chemin de fer du Nord?” (ibid.) – обилие сравнительных степеней прилагательных и риторических вопросов можно рассматривать как эмотивы. В другом отрывке описано восхищение перед питательными клизмами, что также абсурдно в контексте романа: “Ce serait délicieux, se disait-il, si l’on pouvait, une fois en pleine santé, continuer ce simple régime. Quelle économie de temps, quelle radicale délivrance de l’aversion qu’inspire aux gens sans appétit, la viande! quel

définitif débarras de la lassitude qui découle toujours du choix forcément restreint des mets! quelle énergique protestation contre le bas péché de la gourmandise! enfin quelle décisive insulte jetée à la face de cette vieille nature dont les uniformes exigences seraient pour jamais éteintes!” (ibid.). Здесь присутствуют эмоциональные повторы с *quelle*, восклицательные предложения, эмотив *cette vieille nature* – «старушка природа», явная метафора клизма = искусственная донельзя жизнь героя.

На основе сравнительно небольшой, хотя и репрезентативной подборки можно сделать общие выводы о наличии характерных особенностей дендистской прозы:

1. Гендерные нетипичные черты: преобладание феминности и андрогинности над маскулинностью в структуре построения текста, что выражается через излишнюю эмоциональность (оценочность, прилагательные, в том числе и в сравнительной степени, наречия, «интенсификаторы-усилители», риторические вопросы, повторы в синтаксической структуре, восклицательные предложения), громоздкость распространенных сложных предложений, гиперболизированность описаний, гиперкорректность в синтаксисе, «предметность» текста. Маскулинный аспект в основном проявляет себя в проанализированных произведениях в наличии некоторых отрицательных структур, а также в частом намеренном отказе от диалогов в пользу монологов или нарратива.

2. Наличие объединяющих особенностей рассмотренных текстов, которые трактуются как особенности именно дендистской прозы, как то: широкий спектр лексических средств при описаниях, использование множества стилистических приемов, таких как ирония, метафора и сравнение, оксюморон, гипербола или литота и др. В литературе о денди ирония и сравнение как приемы стоят на первом месте. Здесь необходимо подчеркнуть, что многие писатели используют широкую палитру стилистических приемов и средств языка, пользуются иронией и сравнением, но в дендистской литературе «перегруженность» приемами является доминантой стиля. Важно также ответить на вопросы: для чего авторы-денди используют столь богатый арсенал средств языка и каковы функциональные особенности стилистических приемов? По мнению автора статьи, в этом проявляется стремление денди к «подчинению языка» искусственной идеальной красоте. Для всего этого богатства стилистической палитры доминирующей является исключительно декоративная функция.

3. В синтаксическом плане встречается огромный разброс: от парцелляции и стихломифий до распространенных предложений, осложненных

оборотами. Чаще встречаются вторые, тогда как к первым автор прибегает лишь в особых кульминационных моментах, т. е. использует их как эмотивные компоненты ситуации. Отдельного исследования заслуживает анализ репрезентации эмоций в дендистской прозе, так как даже при беглом прочтении обнаруживается палитра различных компонентов-эмотивов, начиная от оценочных прилагательных и кончая параллельным построением предложений.

Что касается сравнения речи героя-денди и речи автора-нарратора, очень часто в них нет существенных различий: и тот и другой прибегают к многословным сравнениям, цитатам и вкраплениям, часто используют развернутые синтаксические структуры. Выявлено лишь одно различие: «дендистский перформатив» (термин Д. Шеффера) проявляется через афористичность некоторых высказываний, стремление к эпатажу (в языке через совмещение несовместимого, абсурдность, языковую игру, к примеру, “*best sins – best things*” у О. Уайльда). Таким образом, целесообразным представляется проведение более развернутого анализа с выявлением дальнейших особенностей на разных уровнях языка.

Список источников

Кузмин М. Крылья. СПб., 1906. URL: http://az.lib.ru/k/kuzmin_m_a/text_0270.shtml (дата обращения: 09.10.2019).

Wilde O. The Portrait of Dorian Gray. URL: <https://www.gutenberg.org/files/174/174-h/174-h.html> (дата обращения: 23.11.2019).

Huysmans J. K. À Rebours. URL: <http://www.gutenberg.org/files/56149/56149-h/56149-h.html> (дата обращения: 10.12.2019).

Список литературы

Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры / пер. с франц., вступ. статья и сост. С. Н. Зенкин. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. 512 с.

Богачева М. В. Специфика гендерной дифференциации языковых средств // Вестник Днепрпетровского университета. Серия: Языкознание. 2008. Т. 16, вып. 14. С. 43–49. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/vdumo_2008_16_14_10 (дата обращения: 12.02.2019).

Болон П. Искушение дендизмом / пер. Т. Клигина. М.: Гараж, 2013. 314 с.

Бем С. Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов / пер. с англ. М. Шапошниковой. М.: Росс. полит. энцикл., 2004. С. 330–336.

Вайнштейн О. Б. Европейский дендизм XIX века: литература, традиция и поэтика поведения: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005. 432 с.

Вайнштейн О. Б. Денди: мода, литература, стиль жизни. М.: НЛО, 2012. 706 с.

Вайнштейн О. Б. Поэтика дендизма: литература и мода // Иностранная литература. 2000. № 3. URL: <http://forlit.philol.msu.ru/lib-ru/vainshstein1-ru> (дата обращения: 12.02.2019).

Витлицкая Е. В. Лингвистическая репрезентация гендерных стереотипов в рекламе: На материале англоязычных и русскоязычных текстов: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2005. 144 с.

Воробьева С. Ю. Дискурсивные маркеры феминной субъектности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2015. № 5(29). С. 159–170.

Геньева Е. Оскар Уайльд // История всемирной литературы: в 8 т. М.: Наука, 1994. Т. 8. С. 374–378.

Кирилина А., Томская М. Лингвистические гендерные исследования. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2005/2/2005_2_7.html (дата обращения: 10.01.2019).

Коломейцева Е. Б. Иноязычные вкрапления в современном художественном тексте (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2016. 191 с.

Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.

Прима А. М. Концептуализация понятия «гендер» в романе Вирджинии Вулф «Миссис Дэллоуэй»: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2009. 202 с.

Пушкарь Г. А. Типология и поэтика женской прозы: гендерный аспект: на материале рассказов Т. Толстой, Л. Петрушевской, Л. Улицкой: дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2007. 234 с.

Серова И. Г. Способы конструирования гендера в тексте и кинотексте // Вестник ТГУ. 2011. Вып. 3(95). С. 141–147.

Скуратовская А. П. Дендизм как психология жизнотворчества // Культурология: Дайджест. 2001. № 4. С. 80–81.

Шиффер Д. Философия дендизма / пер. с франц. М.: Изд-во гуманит. лит., 2011. 293 с.

Янчук Е. И. Новейший философский словарь Минск: Книжный дом, 2003. 1280 с.

Kerr D. «The Idea of Beauty in Their Persons» Dandyism and the Haunting of Contemporary Masculinity: ph.d. in philology dissertation. Bowling Green, 2015. 208 p.

Moong E. Dandyism. URL: <http://www.lafri-meuse.com/en/dandyism-roots-part-1/> (дата обращения: 07.09.2019).

Penson J. C. Habiter en poète, Essai sur la poésie contemporaine. Seyssel, France: Champ Vallon, 1995. 279 p.

Voegeli F. Differences in the Speech of Men and Women: ph.d. in philology dissertation synopsis. Dusseldorf, 2005. 57 p.

References

Barthes R. *Sistema mody. Stat'i po semiotike kul'tury* [The system of fashion. Articles on cultural semiosis]. Transl. from French, preface and comp. by S. N. Zenkin. Moscow, Sabashnikov Printing House, 2003. 512 p. (In Russ.)

Bogacheva M. V. Spetsifika gendernoy differentsiatsii yazykovykh sredstv [Special features of gender differentiation of language means]. *Vestnik Dnepropetrovskogo universiteta. Yazikoznanie* [Dnepropetrovsk University Herald. Language Studies], 2008, vol. 16, issue 14, pp. 43–49. Available at: http://nbuv.gov.ua/UJRN/vdumo_2008_16_14_10 (accessed 02.12.2019) (In Russ.)

Bologne P. *Iskushenie dendizmom* [Temptation of Dandyism]. Transl. by T. Kligin. Moscow, Garazh Publ., 2013. 314 p. (In Russ.)

Bem S. Linzy gendera. Transformatsiya vzgliadov na problemu neravenstva polov [The lenses of gender: Transforming the debate on sexual inequality]. Transl. from English by M. Shaposhnikova. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 336 p. (In Russ.)

Vainshtein O. B. *Evropeiskiy dendizm 19 veka: literatura, traditsiya i poetika povedeniya*. Diss. ... d-ra filol. nauk [European dandyism of the 19th century: Literature, tradition and poetics of behavior. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2005. 432 p. (In Russ.)

Vainshtein O. B. *Dendi: moda, literatura i stil' zhizni* [Dandy: Fashion, literature and the style of life]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2012. 706 p. (In Russ.)

Vainshtein O. B. Poetika Dendizma: literatura i moda [Poetics of dandyism: Literature and fashion]. *Inostrannaya literatura* [Foreign Literature], 2000, issue 3. Available at: <http://forlit.philol.msu.ru/libru/vainshtein1-ru> (accessed 02.12.2019). (In Russ.)

Vitlitskaya E. V. *Lingvisticheskaya reprezentatsiya gendernykh stereotipov v reklame: Na materiale algloyazychnykh i russkoyazychnykh tekstov*. Diss. kand. filol. nauk [Linguistic representation of gender stereotypes in advertising: A case study of texts in English and Russian. Cand. philol. sci. diss.]. Tambov, 2005. 144 p. (In Russ.)

Vorob'eva S. Yu. Diskursivnye markery feminonoy sub'ektnosti [Discursive Markers of Female Consciousness (based on Modern Women's Prose)]. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo universiteta. Yazikoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2015, vol. 2, issue 5(29), pp. 159–170. (In Russ.)

Genieva E. Oskar Uayl'd [Oscar Wilde]. *Istoriya vseмирnoy literatury v 8 tomakh* [The history of world literature in 8 volumes]. Moscow, Nauka Publ., 1994, vol. 8, pp. 374–378. (In Russ.)

Kirilina A. Tomskaya M. *Lingvisticheskie gendernye issledovaniya* [Linguistic gender studies]. Available at: http://magazines.russ.ru/oz/2005/2/-2005_2_7.html (accessed 01.10.2019)

Kolomeytseva E. B. *Inoyazychnye vkrapleniya v sovremennom khudozhestvennom tekste (na materiale angliiskogo yazika)*. Diss. cand. filol. nauk [Foreign-language insertions in modern literary text (a case study of the English language). Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2016. 191 p. (In Russ.)

Lotman Yu. M. *Struktura khudozhestvennogo teksta* [Fiction text structure]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1970. 384 p. (In Russ.)

Prima A. M. *Kontseptualizatsiya ponyatiya 'gender' v romane Virginii Vulf 'Mrs Dalloway'*. Diss. ... cand. filol. nauk [Conceptualization of the notion 'gender' in Virginia Woolf's novel 'Mrs. Dalloway'. Cand. philol. sci. diss.]. Krasnodar, 2009. 202 p. (In Russ.)

Pushkar' G. A. *Tipologiya i poetika zhenskoy prosy: gendernyy aspekt: na materiale rasskazov T. Tolstoy, L. Petrushevskoy, L. Ulitskoy* [Typology and poetics of women prose: Gender aspect: a case study of stories by T. Tolstaya, L. Petrushevskaya, L. Ulitskaya. Cand. philol. sci. diss.]. Stavropol, 2007. 234 p. (In Russ.)

Serova I. G. Sposoby konstruirovaniya gendera v tekste i kinotekste [The ways of gender constructing in text and cinema text]. *Vestnik TGU* [Tomsk State University Journal], 2011, issue 3(95), pp. 141–147. (In Russ.)

Skuratovskaya A. P. Dandizm kak psikhologiya zhiznetvorchestva [Dandyism as psychology of life-making]. *Kulturologiya: Daidgest* [Culturology Digest], 2001, issue 4, pp. 80–81. (In Russ.)

Schiffer D. S. *Filosofiya dendizma. Estetika души i tela* [Philosophy of dandyism. The esthetics of soul and body]. Transl. from French. Moscow, Izdatel'stvo Gumanitarnoy Literatury Publ., 2011. 293 p. (In Russ.)

Yanchuk E. I. *Noveyshiy filosofskiy slovar* [The Newest Philosophical Dictionary]. Minsk, Knizhnyy dom Publ., 2003. 1280 p.

Kerr D. *'The idea of beauty in their persons' dandyism and the haunting of contemporary masculinity*. Ph. D. in philology dissertation. Bowling Green, 2015. 208 p. (In Eng.)

Moong E. *Dandyism. Roots*. Available at: <http://www.lafrimeuse.com/en/dandyism-roots-part-1/> (accessed 07.09.2019) (In Eng.)

Penson J. C. *Habiter en poète, Essai sur la poésie contemporaine* [Live as a poet. Essays on modern poetry]. Seyssel, France, Champ Vallon, 1995. 279 p. (In Fr.)

Voegeli F. *Differences in the speech of men and women*. Ph. D. in philology dissertation synopsis. Dusseldorf, 2005. 57 p. (In Eng.)

THE DANDY IN LITERATURE: ANALYZING THE LANGUAGE OF THE LITERATURE OF DANDYISM

Ekaterina B. Kolomeytseva

Associate Professor in the Department of Russian Language No. 1

Pavlov First Saint Petersburg State Medical University

6-8, Lva Tolstogo st., Saint Petersburg, 197022, Russian Federation. tillyriddle@yandex.ru

SPIN-code: 7591-1171

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0224-2965>

Submitted 27.03.2019

The article attempts to research the literature of dandyism as a separate literary movement. Based on the fact that dandies stand out as a special social subculture connected not only with fashion, the author makes an assumption about the peculiarities of speech in literature about dandies, written by dandies. This assumption was made on the basis of D. Schaeffer's studies, emphasizing that dandies actively studied ancient rhetoric and used sophistry methods. First of all, the paper identifies and groups features inherent in the literature of dandyism at different language levels. Dandyist self-presentation through 'artificial femininity' (a term of Penson) made it also reasonable to analyze the features of gender construction by linguistic means. The article aims to prove that the literature of dandyism has reason to be regarded as a special movement based on its key features. The author considered it more appropriate to focus separately on the language of the writer and the language of the hero, because both have their own peculiarities. There were chosen three works written in different languages: *Wings* by M. Kuzmin, *The Picture of Dorian Gray* by O. Wilde and *À Rebours* by J. K. Huysmans, which were studied based on the method of linguistic analysis. These works appear to be the most representative for the aims of analysis because they were written by dandy writers about dandy heroes. The paper concludes that a speech portrait of a male dandy hero does not always correspond to gender characteristics of his speech construction, since femininity and androgyny prevail over masculinity. There was identified a wide range of lexical tools employed by the writers, which is shown in the paper to be one of the specific linguistic features of dandyist literature. According to the results of analysis, the language of the writers is not much different from the language of the dandy heroes; however, in dialogues of the latter, the 'dandyist performative' is manifested more often.

Key words: fiction; linguistic analysis; dandyism; gender linguistics; narrator; speech portrait.